

В.В. СИМОНОВ, А.В. КОТИНА
V.V. SIMONOV, A.V. KOTINA

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ВОПРОСЫ В СВЯЗИ
СО СТАТЬЯМИ Е.Г. ПАНКРАТОВОЙ О СУДЬБЕ Г.И. БОРОВКИ.
ВЗГЛЯД С ДРУГОЙ СТОРОНЫ**

**SOME REMARKS AND QUESTIONS IN CONNECTION
WITH THE ARTICLES BY E.G. PANKRATOVA ABOUT THE FATE
OF G.I. BOROVKA. A DIFFERENT PERSPECTIVE**

В истории отечественной науки есть события, во многом определившие её развитие и неразрывно связанные с политическими процессами, происходившими внутри страны. К числу подобных относится «большой террор» 1930-х гг., давно ставший предметом исследований специалистов, изучающих деятельность репрессивных органов советского государства и влияние политического руководства страны на происходившие в тот период события. Особый интерес в этом смысле представляет «Академическое дело», как пример одного из первых полностью сфабрикованных политических процессов против учёных Академии наук СССР¹, с целью установления над учреждением идеологического контроля.

Результатом этого интереса со стороны современных исследователей стало появление большого количества работ, как общего характера, так и затрагивающих историю отдельных людей, вовлечённых в круговорот этих событий. Примером могут служить статьи питерского историка Е.Г. Панкратовой, посвящённые судьбе учёного-археолога Г.И. Боровки, написанные на основе документов из архивов органов госбезопасности, сравнительно недавно ставших доступными исследователям.

Широко обращаясь к следственным материалам из Архива УФСБ по СПб и ЛО, автор отмечает, что *«эти документы важны не только для составления мемориальных баз данных, но и представляют собой уникальный источник для восполнения пробелов в истории отечественной науки»*, поясняя далее: *«... работа со следственным делом археолога и скифолога Г.И. Боровки, позволила уточнить институциональные особенности развития античной археологии в столицах, впервые позволила установить этапы организации Таманской экспедиции ГАИМК и получить важную, ранее не опубликованную информацию о проведении самих археологических раскопок на территории Гермонассы и Фанагории»* [Панкратова, 2021, с. 1353]. Тем не менее, «институциональные особенности развития античной археологии в столицах», «важные сведения, касающиеся ... организации археологической экспедиции на Таманский полуостров», а уж тем более «общих направлений в развитии от-

---

¹ Подробно см.: [Академическое дело ..., 2015].

ественной науки» [Панкратова, 2019, с. 163] или развития античной археологии в 1928-1931 гг. [Панкратова, 2021, с. 1354] стали едва заметным фоном в работах Е.Г.Панкратовой. Основное внимание она уделяет наиболее драматичному этапу в биографии Г.И. Боровки, как одного из многих, ставших, по её мнению, безвинными жертвами безжалостного государственного аппарата.

Ничуть не подвергая сомнению ни репрессивную политику государства в те годы, ни тот урон, который она нанесла научному сообществу, хотелось бы на примере нескольких работ Е.Г. Панкратовой, посвящённых Г.И. Боровке, остановиться на вопросе объективности оценок и интерпретаций сведений, выявленных в некоторых специфических исторических источниках, раскрывающих этот сложный период истории нашего Отечества. Тем более, что автор, говоря о том, насколько изучение этих источников важно для *«современного гражданского общества»* и для науки, сама отмечает: *«... общество нуждается в доступных и объективных научных исследованиях, которые бы актуализировали необходимость сохранения исторической памяти о безвинно осуждённых жертвах политических репрессий ...»* (подчёркнуто нами – В.С., А.К.)» [Панкратова, 2021, с. 1360]. Перу Е.Г. Панкратовой принадлежит и другое высказывание: *«... по соображениям профессиональной этики представляется верным воздержаться от научно-исследовательской и личной оценки показаний и отзывов других лиц, данных в ходе следственных мероприятий по этому делу (делу Боровки – В.С, А.К.)»*². Нам, правда, не совсем понятно, как можно воздержаться от научной и личной оценки сведений, содержащихся в документах, и в чем тогда состоит суть научного исследования. Ведь историк, как правило, опирается не на сам факт прошлого, а на источники, его отражающие. Изучая их, учёный неизбежно делает обобщения и выводы, а историческое исследование практически всегда предполагает наличие оценок. Но, допустим, что смысл столь витиеватой фразы в декларации объективности исследователя. В этой связи хотелось бы проследить, насколько Е.Г. Панкратовой, обратившейся к столь не простой теме, удалось сохранить беспристрастность, как в описании событий, так и трактовке тех или иных эпизодов, и *«воздержаться от научно-исследовательской и личной оценки»*.

Является аксиомой, что объективность в исторических изысканиях достигается за счёт обращения к нескольким источникам, чтобы сравнение содержащихся в них данных исключало толкование фактов и вынесение суждений, носящих односторонний и предвзятый характер. При этом все выявляемые в одном документе сведения сравниваются и сопоставляются с другими. В военной истории, например, процесс анализа достоверности информации наиболее результативен, если есть возможность сопоставить источники, отражающие действия, взгляды, оценки противоборствующих сторон. В последние годы в военно-исторической научной и научно-популярной литературе широкое распространение получило выражение «Взгляд с другой

² С этим положением можно было бы согласиться, разве что, если бы речь шла о публикации архивных документов, а не исследовании на их основе.

стороны», подразумевающее, что объективное отражение происходившего невозможно без привлечения документов противника. Как представляется, это актуально при анализе любых событий, в которых участвуют две (или более) стороны с диаметрально противоположными интересами. В каком-то смысле деятельность государства по соблюдению и обеспечению законности (составной частью которой являются политические и уголовные судебные процессы) является примером подобного противостояния – здесь также присутствуют две стороны. Поэтому представляется логичным в исследовании подобных процессов раскрывать точки зрения обеих сторон. В этом смысле работы Е.Г. Панкратовой крайне интересны.

На первый взгляд, учитывая особенности используемой Е.Г. Панкратовой источниковой базы, иллюстрирующей, главным образом, позицию репрессивных органов, может сложиться впечатление, что мы видим проблему именно (и только) с этой – обвинительной – стороны. Парадоксально, но на самом деле это не так, и всё не так просто. Благодаря гражданской позиции автора, которая, несмотря на заявления о своей объективности и беспристрастности, выступает, скорее, в роли сочувствующего, если не своеобразного адвоката (что, как мы увидим ниже, явно прослеживается в смысловой направленности текстов, интонации, отдельных речевых оборотах и т.п.) ситуация перед нами предстаёт как бы в зеркальном отражении. Широко цитируя материалы следственного дела, Е.Г. Панкратова путём умело расставленных акцентов пытается подвести нас к твёрдому убеждению о чудовищной фабрикации дела, сломавшего судьбу конкретного человека. В какой-то момент мы неизбежно проникаемся сочувствием к главному герою исследования, его судьбе, испытывая законное возмущение действиями представителей государственного аппарата (а, далее, и государства, которое они представляют). При этом объективная сторона следственных материалов остаётся как бы в стороне. Также, как в стороне остаются и весьма существенные, если не главные вопросы: было ли подобное развитие событий, в центре которых оказался Г.И. Боровка, цепью случайностей, которые привели к необоснованному аресту по сфабрикованному обвинению и последующему осуждению? или реально имело место деяние, квалифицируемое в соответствии с действующим законодательством как преступление и осуждение учёного стало логичным итогом нарушения закона?

Попытаемся, опираясь исключительно на работы Е.Г. Панкратовой и цитируемые ею документы, ответить на эти вопросы (тем самым и представив взгляд с другой стороны, не просто воспроизводя материалы следственного дела, а пытаясь разобраться, что реально за ними стояло). Понятно, что эта задача потребует постоянного обращения к текстам статей Е.Г. Панкратовой, порой их пересказа и широкого цитирования, но только в той части, которая касается ареста, следственного процесса и обвинительного заключения Г.И. Боровки.

Вся эта информация выявлена Е.Г. Панкратовой в следственном деле № 918-31 и включает в себя: *«фрагменты показаний А.М. Мерварта, ставшими основанием для ареста Г.И. Боровки; стенограмм допросов, записанных следователем от*

руки³ (23 сентября, 25 октября, 2 декабря 1930 г., 9 июня 1931 г.); личных показаний Г.И.Боровки, записанных им, судя по всему, во время продолжительных допросов; следственных материалов ОГПУ (протоколов обыска и задержания, анкеты арестованного, постановления к привлечению в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения, обвинительного заключения, справок о пересылке в Ухт-Печерский лагерь и др.) ...» [Панкратова, 2021, с. 1355]. Отметив, что обвинительное заключение и справки о пересылке не относятся к следственным материалам⁴, обратимся сначала к обстоятельствам ареста и первых допросов Г.И. Боровки, по результатам которых учёному было предъявлено обвинение.

Как пишет Е.Г. Панкратова, Г.И. Боровка был арестован 20 сентября 1930 г. после возвращения из Таманской археологической экспедиции. Основанием для ареста послужили *«заведомо ложные обвинительные показания» Л.А. Мерварт, данные 19 марта 1930 г., а также ее супругом – А.М. Мервартом – 5 мая 1930 г. Решающее значение в них имели сведения о том, что «... Боровко состоит информатором германской разведки и самостоятельно передаёт оным сведения, относящиеся к тем местностям, где он проводит командировки ...»*⁵ [Панкратова, 2019, с. 157], а также обвинение в членстве в контрреволюционной монархической организации [Панкратова, 2021, с. 1355].

На вопросы, касающиеся участия в заграничных командировках, посещения германского консульства и списка лиц, с которыми он контактировал за границей, Г.И.Боровке пришлось отвечать на первом допросе, состоявшемся 23 сентября 1930 г.⁶ Видимо, в дополнение к уже имевшимся показаниям Мервартов, ответов Г.И. Боровки о неоднократных посещениях германского консульства в Ленинграде в 1920-1924 и 1926-1929 гг. и подтверждения устойчивых контактов с рядом лиц, которые не могли не интересовать сотрудников ОГПУ, было достаточно для составления «Постановления

³ Как известно, стенограмма – это дословная запись устной речи, выполненная с использованием специальных стенографических знаков, она всегда составляется от руки, в отличие от расшифрованного текста этой записи. Здесь и далее не совсем понятно, имеет ли автор в виду стенограммы или протоколы допросов.

⁴ Следственные материалы – это документы, которые фиксируют ход и результаты следственных действий, направленных на сбор и проверку доказательств по уголовному делу. Цель таких действий – получение информации о событии преступления, о лицах, его совершивших, о других подлежащих установлению обстоятельствах. Следственные материалы включают: протоколы следственных действий, вещественные доказательства, материалы оперативно-розыскной деятельности. Видимо, автор ошибочно использовал термин «следственные материалы», вместо «материалы следственного дела».

⁵ Далее Е.Г. Панкратова отмечает, что эти сведения были получены под угрозой физической расправы над семьёй Мервартов, а обвинение против Г.И. Боровки «выдвинуто и дело оформлено» ещё до его ареста [Панкратова, 2019, с. 157]. Согласно статье 91 УПК РСФСР поводом к возбуждению уголовного дела могло быть, как, например, сообщение должностного лица, так и непосредственное усмотрение органов дознания, следователя, суда [Уголовно-процессуальный кодекс, 1923]. Так что «оформление» дела «до ареста» не противоречило действующему законодательству.

⁶ В одной из работ Е.Г. Панкратовой допущена опечатка и указано, что первый допрос состоялся 3 сентября [Панкратова, 2021, с. 1355].

к привлечению в качестве обвиняемого», датированного 25 октября 1930 г.⁷ В нём отмечалось, что *«Г.И. Боровка изобличается в том, что принадлежит к контрреволюционной организации и систематически передаёт сведения о положении СССР представителям иностранного государства»* [Панкратова, 2019, с. 158]. 2 ноября 1930 г. ему было объявлено, что он обвиняется по пунктам 4, 6 и 11 статьи 58 УК РСФСР.

Обратимся к непосредственно к Уголовному кодексу, чтобы понять, что именно вменялось в вину Г.И. Боровке.

Статья 58-4: *«Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к её свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности ...»* [Уголовный кодекс ..., 1950, с. 38].

Статья 58-6: *«Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционными организациями или частным лицам ...»* [Уголовный кодекс ..., 1950, с. 39].

Статья 58-11: *«Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений⁸, а равно участие в организации, организованной для подготовки или свершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой ...»* [Уголовный кодекс ..., 1950, с. 42].

Как видим, все пункты обвинения точно соответствовали показаниям Мервартов, послуживших основанием для ареста Г.И. Боровки.

Попытаемся представить логику, которой руководствовались сотрудники ОГПУ, получив подобные свидетельства. Могли ли они оставить без внимания показания Мервартов в отношении Г.И. Боровки (если допустить даже, что эти показания были получены под угрозой физического насилия⁹)? Конечно, нет. Эта информация требовала немедленной проверки и мера пресечения (заключение под стражу) была неизбежной, учитывая характер преступлений, в которых подозревался Г.И. Боровка¹⁰.

⁷ В этот же день проводился второй допрос Г.И. Боровки.

⁸ Глава 1 «Особенной части» предусматривала ответственность за совершение государственных преступлений. Все преступления, предусмотренные разными пунктами статьи 58 относились к контрреволюционным преступлениям.

⁹ Вариант, что сотрудники ОГПУ сами «подвели» Мервартов к упоминанию именно Г.И. Боровки и дали им понять, что нужно говорить о его преступлениях, мы не рассматриваем, поскольку никаких подтверждений подобного хода событий в выявленных документах нет.

¹⁰ Мера пресечения в виде заключения под стражу предусматривалась статьёй 158 УПК РСФСР *«... по делам о преступных деяниях, за которые назначено наказание в виде лишения свободы ...»*, правда, с оговоркой, *«при наличии опасения, что обвиняемый скроется от следствия и суда или же при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины»* [Уголовно-процессуальный кодекс, 1923].

Могли ли у следователей, проводивших предварительное расследование, возникнуть сомнения в виновности Г.И. Боровки? И ответ опять-таки отрицательный. Даже не имея вещественных доказательств, собственноручно написанные признания Г.И.Боровки, в сочетании с довольно сомнительными регулярными контактами с неблагонадёжными гражданами СССР и иностранными гражданами, были достаточным основанием для проведения тщательного расследования. Но и вещественные доказательства, как мы увидим дальше, были.

После предъявления обвинения Г.И.Боровка, как следует из выявленных Е.Г.Панкратовой документов, не допрашивался в течение месяца. Именно в этот период, по её мнению, он *«судя по всему, находясь в камере»* писал развёрнутые дополнения к своим показаниям. Нам трудно представить режим содержания и реальную обстановку в тюремной камере, которые позволили ли бы Г.И. Боровке писать развёрнутые дополнения в течение хоть сколь-нибудь продолжительного времени, но, допустим, что это было так и обратимся к содержанию самих дополнений.

Прежде всего они касались обширных научных контактов в Германии, которые сам Г.И. Боровка не отрицал и более того писал: *«Откровенность в общении с немцами [обусловлена тем, что] не видел вреда в том, что расскажу о положении дел в Советском Союзе, не видел в немцах врагов. Кроме того, я сознаю, что рассказывал такие вещи, о которых говорить нельзя было вообще»* (подчёркнуто нами – В.С., А.К.). Что характерно, подобные разговоры велись не только с коллегами, но и представителями германского посольства: *«В ходе встречи в Эрмитаже в кабинете О.О. Крюгера с немецким послом и его женой сказал об экономически тяжёлом положении интеллигенции ... В Берлине я говорил, что с убеждёнными коммунистами я работаю хорошо, говорил о продовольственных затруднениях, высоких ценах ..., говорил, не отрицая трудностей, что жить нелегко, но мы живём и работаем»* [Панкратова, 2019, с. 158]. Совершенно очевидно, что для любого следователя в этом тексте были главные, ключевые моменты: обвиняемый признавал, что рассказывал представителям другого государства о тяжёлом положении в СССР, включая продовольственные проблемы и высокие цены, хотя и понимал, что рассказывать об этом нельзя. Известно, что подобные сведения (даже без особой детализации) являются предметом интереса сотрудников любых дипломатических миссий, одна из задач которых всегда состоит в сборе информации с целью анализа внешней и внутренней политики страны пребывания, её социально-экономического положения, с отражением добытых сведений в политических отчётах¹¹. Особого внимания заслуживали и контакты Г.И. Боровки в Германии, куда он регулярно выезжал. Среди последних не мог не обратить на себя внимания, например, Г. Йонас, Генеральный секретарь Немецкого общества по изучению Восточной Европы.

¹¹ Одной из целей сбора подобных сведений является выявление контингента, недовольного действующей властью, который мог быть использован в дальнейшем для проведения разных акций, направленных на ослабление (свержение) существующего в стране строя.

Впрочем, и контакты внутри страны вполне обоснованно могли вызывать вопросы у бдительных сотрудников ОГПУ. Достаточно вспомнить О.А. Гесс – сотрудницу германского консульства в Ленинграде, с которой Г.И. Боровка поддерживал дружеские отношения, впоследствии репрессированную, но уже тогда оказавшуюся в поле зрения сотрудников ОГПУ, или академика С.Ф. Платонова – участника переговоров по вопросам организации совместной советско-немецкой экспедиции для решения *«готской проблемы в Крыму»* и одного из главных обвиняемых по *«Академическому делу»*.

Определённые подозрения в отношении деятельности Г.И. Боровки могли возникнуть даже при знакомстве с его пояснениями, касающимися организации совместной экспедиции на Таманском полуострове. Фактически, как следует из его показаний, предварительные переговоры с немецкой стороной в 1928 г. он вёл по неофициальному поручению Ф.В. Кипарисова. Но здесь же упоминается о том, что немецкая сторона высказывала готовность к сотрудничеству ещё до назначения Кипарисова председателем ГАИМКа. И сразу возникали вопросы: кто же был инициатором подобной идеи? немецкая сторона? тогда в чем причина их активного интереса к этому региону? Или инициатор сам Г.И. Боровка? и тогда заключается ли его интерес только в том, что, как он объяснял немецкой стороне, *«желательным объектом в области античной археологии наряду с Ольвией является Таманский полуостров, как центр античных поселений Причерноморья»* [Панкратова, 2019, с. 158]. Ответ, очевидный с точки зрения учёного, мог быть совсем не столь бесспорным с точки зрения людей, занимающихся обеспечением государственной безопасности, и осуществляющих следственные действия в отношении лица, подозреваемого, в том числе, в шпионаже.

Решающим был допрос, проведённый 2 декабря 1930 г. Как пишет Е.Г. Панкратова: *«Нетрудно предположить, что далее (после допроса 25 октября – В.С., А.К.) следствию необходимы были подробности «шпионажа»¹² Г.И. Боровки в экспедициях, о чем он и допрашивался 2 декабря 1930 г. На этом допросе им было сделано признание, касающееся сделанных им в экспедиции фотографий»* [Панкратова, 2019, с.158]. Опять-таки отметив, что строить предположения здесь совершенно излишне, а следственные действия целиком соответствовали статьям 111 и 112 УПК РСФСР, пред-

---

¹²Как ясно из статьи 58-6 УК РСФСР, которая вменялась в вину Г.И. Боровке, под шпионажем понимают противоречащую закону деятельность, направленную на получение тайных сведений, затрагивающих интересы государства и его граждан с последующей передачей третьей стороне. В этой связи использование кавычек в авторском тексте не совсем понятно. Обозначать так условный или специализированный термин в данном случае вряд ли целесообразно. Остаётся использование кавычек для выделения слова в переносном значении (в необычном, особом, условном, ироническом). Часто это делается для привлечения внимания читателя. При том, что ни о каком переносном значении здесь речь не идёт. Как представляется, этот пример является хорошей иллюстрацией целенаправленно расставляемых автором незаметных акцентов, для создания образа невинной жертвы политических репрессий. Подобных примеров в статьях Е.Г. Панкратовой немало, но поскольку не они являются предметом нашего интереса, далее мы не будем на них останавливаться.

усматривающих, что *«Следователь направляет предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела»* [Уголовно-процессуальный кодекс, 1923], обратимся к эпизоду с фотографиями.

Сам Г.И. Боровка на допросе показал, что *«... в экспедициях делал незаконные снимки в Монголии и Крыму. На Тамани [снимал] виды берега Тузлы и два снимка берега у станицы Таманской, кроме того, я снимал виды курганов у Сенной ... В Керчи снимал вид Керченской бухты с горы Митридат и вид курганов Юз-Обы ... Делал я эти снимки не сознательно, хотя понимал, что совершаю преступление»* [Панкратова, 2019, с. 159]. Отметим последнее предложение, которое является фактическим признанием вины. Оговорка о том, что совершенное деяние делалось *«не сознательно»* с последующей констатацией понимания, что он совершал преступление, выглядит по меньшей мере странно. И может служить косвенным подтверждением состояния растерянности, в котором находился обвиняемый. Впрочем, к этому мы ещё вернёмся ниже.

Как ни удивительно (если предполагать фальсификацию дела и формальный характер расследования), следователь не удовлетворился только этим признанием. В деле фигурирует ещё один документ – отзыв руководителя Таманской экспедиции А.А. Миллера о научной деятельности Г.И. Боровки, датированный 30 апреля 1931 г., который явно свидетельствует о тщательном сборе в ходе следствия всех необходимых доказательств преступления. Не считая нужным цитировать довольно подробный пересказ отзыва А.А. Миллера, приведённый в статье Е.Г. Панкратовой, тезисно изложим суть обстоятельств, связанных с фотографиями, послужившими основанием для обвинения Г.И. Боровки в шпионаже.

Как следует из отзыва А.А. Миллера [Панкратова, 2019, с. 159-160]:

- у экспедиции были все необходимые разрешения для проведения всех видов работ, полученные в пограничном управлении ГПУ¹³;
- виды работ, которые были поручены Г.И. Боровке, не предусматривали проведение фотофиксации, поскольку А.А. Миллера не устраивало качество его снимков;
- официальную фотофиксацию результатов работ проводил фотограф А.А. Гречкин, который в Ленинграде сдал все свои снимки руководителю экспедиции;
- Г.И. Боровка никаких снимков руководителю экспедиции не передавал.

К этому можно добавить ещё и то, что разрешение на работы, полученное экспедицией в пограничном управлении ПГУ, видимо, касалось Таманского полуострова (что подтверждается перечнем работ экспедиции, приводимым А.А. Миллером), а часть фотографий Г.И. Боровка сделал в Керчи.

¹³ Видимо, не лишним будет подчеркнуть, что речь шла о работе в «приграничной полосе», которой считается часть территории государства, прилегающей к государственной границе, в пределах которой в мирное время размещались войска прикрытия вооружённых сил и проводились мероприятия по оборудованию театра военных действий [Пограничный словарь, 2002].

Вывод был очевидным – Г.И. Боровка, возможно, воспользовавшись временным отсутствием в экспедиции А.А. Миллера, произвёл фотосъёмку ряда объектов, в том числе на побережье Керченского полуострова, которые не были предусмотрены программой работ Таманской экспедиции и на которые не были получены разрешения. Фотосъёмку сам Г.И. Боровка объяснял личными научными интересами, признавая при этом, что осознавал преступный характер своих действий (!).

Поскольку в статье Е.Г. Панкратовой «К истории развития античной археологии...» приводятся фотографии только Керченского побережья¹⁴, рассмотрим их. Это:

- вид на часовню И.А. Стемпковского с вершины горы Митридат;
- вид с горы Митридат на Керченский залив;
- вид на городище Пантикапей;
- вид с горы Митридат на Керченский залив;
- вид на Керченский залив и городище Пантикапей [Панкратова, 2021, с. 1362-1363].

Возникает резонный вопрос: могли ли они представлять собой сведения, затрагивающие интересы государства, то есть специально охраняемую государственную тайну?

В Примечании 1 к статье 58-6 УК РСФСР говорится, что «*Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом Народных Комиссаров СССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение*» [Уголовный кодекс ..., 1950, с. 40]. Такой перечень был утверждён постановлением СНК СССР от 27 апреля 1926 г. и включал в себя несколько разделов с довольно общими формулировками, дающими возможность широкого толкования (см.: [Об утверждении перечня..., 1926]). Возвращаясь к фотографиям, сделанным Г.И.Боровкой, следует отметить: на двух из пяти снимков, приложенных к делу в качестве вещественных доказательств, достаточно хорошо видны Генуэзский мол и ряд пристаней у берега Керченской бухты. Можно не сомневаться, что подобные объекты относились к тем, что были включены в пункт 3 (а, возможно, 1 и 2) «Перечня ...». То есть действия Г.И. Боровки без сомнения попадали под содержание статьи 58-6 УК РСФСР (а с учётом его устойчивых связей с представителями германских дипломатических и научных кругов напрашивались выводы и о мотивах преступления).

Как пишет Е.Г. Панкратова, «*Можно предположить, что подобный отзыв (А.А.Миллера – В.С., А.К.) мог только подхлестнуть следствие в стремлении к получению исчерпывающих показаний со стороны Г.И. Боровки*». И далее – «*Какие следственные меры проводились с самим учёным в период с декабря 1930 по июнь*

---

¹⁴ По поводу фотографий Е.Г. Панкратова пишет: «Примечательно, что в дело подшит конверт с надписью «Вещдок. Вид с горы Митридат на Керченскую бухту», в которых содержится 5 фотографий, о которых и шла речь на допросе» 2 декабря 1930 г. [Панкратова, 2021, с. 1356].

1931 г., сказать сложно, так как стенограммы допросов¹⁵ за этот период отсутствуют ... Есть основания полагать, что период с января по начало июня 1931г. были самым тяжёлым временем заключения для Г.И. Боровки» [Панкратова, 2019, с. 160].

Не совсем понимая, почему такой отзыв должен был «подхлестнуть» следователя, ещё раз отметим, что в его обязанности, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом, входило полное и всестороннее рассмотрение дела (статья 112 УПК РСФСР). Обратим внимание и на то, что, согласно статьям 207 и 208 УПК РСФСР, следователь, считая предварительное расследование окончанным, обязан был спросить обвиняемого, чем он может дополнить следствие, и получив сведения, имеющие значение для дела, выполнить необходимые следственные действия. В этой связи по меньшей мере странно подозревать злой умысел во всех действиях следователя, соответствующих требованиям Уголовно-процессуального кодекса, – получение исчерпывающих показаний, повторим, его обязанность и один из критериев оценки эффективности работы.

Но интереснее, скорее, последнее предложение цитаты. Во-первых, оно свидетельствует о том, что обозначенная в начале статьи «Я не верю, что все окончится плохо...» одна из проблем исследования, обозначенная Е.Г. Панкратовой¹⁶, осталась не решённой и материалы, раскрывающие обстоятельства пребывания Г.И. Боровки в тюрьме в указанный период, не выявлены (или отсутствуют). Во-вторых, что гораздо важнее, содержит бездоказательные намёки о возможном применении против Г.И. Боровки запрещённых методов ведения следствия. Сначала в гипотетической форме («есть основания полагать») говорится о том, что это был самый тяжёлый период заключения учёного. Затем рассказывается о практике применения мер психологического воздействия¹⁷ (ли-

¹⁵ Здесь, также, как и в некоторых других местах, Е.Г. Панкратова упоминает стенограммы допросов. В связи с тем, что основным процессуальным документом считается протокол допроса (а стенограмма может быть лишь приложением к нему), возникает вопрос: отсутствуют именно стенограммы, или нет протоколов допросов? Сама формулировка «стенограммы допросов за этот период отсутствуют», оставляет у читателя некоторое сомнение, что они были, но куда-то пропали, или не найдены автором. Хотя вполне можно допустить, что в этот период Г.И. Боровка не допрашивался, поэтому и нет в материалах ни протоколов, ни стенограмм допросов.

¹⁶ В кратком историографическом обзоре и анализе источниковой базы Е.Г. Панкратова пишет: «... до настоящего времени оставались неизвестными подробности целого года содержания Г.И. Боровки во внутренней тюрьме ОГПУ, детали следственного процесса и вынесения обвинения» [Панкратова, 2019, с. 154]. Использование глагола «оставались» в такой форме и времени явно должно говорить о том, что в настоящей ситуации изменилась, то есть теперь эти подробности известны? Но в статье нет никаких подробностей о содержании Г.И. Боровки в тюрьме. Разве что можно согласиться с тем, что автор вводит в научный оборот ряд деталей следственного процесса. Не совсем понятным остаётся и использование выражения «вынесение обвинения», поскольку, если речь идёт об обвинительном заключении, то оно относится к следственным действиям (которые уже упомянуты) и его составляют, а не выносят. Может быть Е.Г. Панкратова имела в виду вынесение приговора?

¹⁷ Видимо, нужно все-таки пояснить, что следователь всегда использует меры психологического воздействия на подозреваемого или обвиняемого. Вопрос только в том, насколько они законны. В данном случае никаких подтверждений фактов использования в отношении Г.И. Боровки незаконных методов психологического воздействия нет.

шение сна, заключение в карцер, ночные допросы, угрозы расстрела и расправы над семьёй), правда, безотносительно к конкретному делу, фигурантам, времени и месту заключения. В завершение делается поразительный вывод: «Скорее всего, к Г.И.Боровке применялись все эти приёмы ведения следствия¹⁸» [Панкратова, 2019, с. 160]. Ещё раз подчеркнём, этот вывод не подтверждён никакими объективными материалами.

В качестве обоснования своего умозаключения Е.Г. Панкратова сообщает лишь: «Сравнивая его почерк в начале следствия и после более полугодового задержания, невозможно не отметить бросающихся в глаза изменений: стиль и манера письма изменены до неузнаваемости, предложения логически не связаны, буквы в одном слове разного размера, ручка царапает: и в некоторых местах проходит насквозь через бумагу» [Панкратова, 2019, с. 160]. В одной из статей она приводит и образцы для сравнения почерка [Панкратова, 2021, с. 1364]:

- показания Г.И. Боровки, записанные им на допросе в октябре 1930 г.;
- показания Г.И. Боровки, записанные во время последнего допроса, спустя десять месяцев заключения во внутренней тюрьме ОГПУ (июнь 1931 г.).

Понятно, что подобного рода заключения – дело эксперта-графолога, причём выводы подобных экспертиз, как правило, не столь категоричны. Со своей стороны, можем предложить и другие объяснения изменения почерка. Бросающиеся в глаза изменения в стиле и манере письма (которые, понятно, определяются вовсе не по почерку, а по содержанию написанного) могут быть совершенно не связаны с последствиями какого-либо специального психологического воздействия, а вызваны длительным пребыванием в условиях враждебных натуре интеллигентного человека среды, окружения, режима содержания. Следствием подобного может быть потеря уверенности в себе, растерянность, чувство безысходности, в конечном счёте депрессивные расстройства и т.п. Разные размеры букв, меняющийся характер нажима при письме может быть вызван и самыми обычными причинами, такими как непривычные письменные принадлежности (ручка и перо), неудобными условиями во время написания документа или просто отсутствием практики письма на протяжении длительного времени¹⁹. При этом, обратим внимание, что начертание самих букв не сильно изменилось (или не изменилось вообще), и характерный наклон сохранился, и строки в приведённых образцах одинаково ровные. В любом случае, очевидно, что всё это не может служить даже косвенным доказательством применяемых к Г.И.Боровке мер психологического воздействия, а лишь является ещё одной попыткой Е.Г. Панкратовой вызвать определённые эмоции у читателя.

---

¹⁸ Не совсем правильное выражение, поскольку речь явно идёт только о методах психологического воздействия. В то время как разнообразие приёмов ведения следствия только психологическими не исчерпывается. В криминалистике различают логические, психологические и организационно-управленческие приёмы.

¹⁹ Достаточно вспомнить, как меняется почерк людей, перешедших от рукописи к компьютерному набору текста.

Последний допрос Г.И. Боровки состоялся 9 июня 1931 г. Оставим за скобками образные выражения Е.Г. Панкратовой: «... *вся мера человеческого терпения была уже исчерпана ...*», «... *отчаяние измученного человека ...*» и т.п. – и перейдём к сути показаний, зафиксированных в протоколе. Как следует из документа, Г.И. Боровкой были даны уточнения, относительно сделанных им снимков, а в собственноручно написанных показаниях, приложенных к «*стенограмме этого допроса*»²⁰, содержались признания в совершении преступных действий, с категорическим отрицанием наличия умысла: «... *Я смутно чувствовал, что у меня могут быть ещё грехи, но не сознавался самому себе в этом, и потому я и струсил рассказать и не давал себе вспомнить и сознавать, и лишь последний допрос заставил меня понять своё положение и свои действия ... я не действовал изначально как шпион, я ничего не делал из корыстных целей вредить, несмотря на то, что фактически приносил вред*» [Панкратова, 2019, с. 161]. Е.Г. Панкратова отмечает, что на последнем допросе показания И.Г. Боровки «*состоят из практически не связанных между собой предложений*», а на вопрос о разговорах с немецкими исследователями и консулами он дал следующий ответ: «*Узнав, что я еду в Германию [консул] сказал – ну вот, вы теперь будете в Германии, так расскажите там хорошенько про милые порядки здесь. И я ответил утвердительно ... передавал сведения о тяжёлом моральном положении интеллигенции и признал существующее недовольство среди рабочих ...*» [Панкратова, 2019, с. 161]. Далее исследователь делает вывод: «*Этих показаний, которые на самом деле являлись констатацией фактов* (подчёркнуто нами – В.С., А.К.), оказалось достаточно, чтобы завершить следственную работу по данному делу». С таким выводом трудно не согласиться (независимо от того, какой смысл постаралась вложить в эти слова Е.Г. Панкратова), поскольку действительно всё, что предусмотрено статьёй 206 УПК РСФСР, а именно: «*событие преступления, имя, отчество и фамилия виновного, его возраст, обстоятельства, дающие основания для предания обвиняемого суду, судимость, классовая принадлежность и социальное положение, место, время и мотивы совершения преступления*» [Уголовно-процессуальный кодекс, 1923] – было следствием установлено.

Обвинительное заключение по делу № 918-31 в отношении Г.И. Боровки было подготовлено 21 июля 1931 г. В нем отмечалось, что оно выделено из дела о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за освобождение свободной России» в связи с уточнениями «*разведывательной работы обвиняемого Боровко Г.И. ...*» [Панкратова, 2019, с. 161]. Указывалось, что «*археолог Боровко является также агентом германской разведки, пользующийся своим служебным положением и пребыванием в археологических экспедициях ГАИМК и АН СССР для ведения систематического и политического шпионажа*», что «*после*

²⁰ Как мы уже отмечали, и здесь не совсем понятно, идёт ли речь о процессуальном документе – протоколе допроса, и термин «стенограмма» используется, как синоним к слову «протокол», или действительно о стенограмме.

упорного запирательства Боровка сознался в незаконном детальном фотографировании Керченской бухты, проливов и других стратегических местностей» [Панкратова, 2019, с. 162]. Е.Г. Панкратова, говоря об обвинительном заключении, упоминает, что «далее²¹ следуют полностью вырванные из контекста цитаты показаний, данные Г.И.Боровкой на последних допросах». В этом нельзя не отметить некоторое противоречие. Очевидно, что подобная фраза несёт в себе косвенное обвинение следователя в некорректном (назовём это так) использовании сведений, полученных от обвиняемого, — «полностью вырванных из контекста цитат». Однако, не считая возможным в рамках данной статьи доказывать и приводить примеры других обвинительных заключений, подтверждающих, что подобная форма была нормой, объясним: цитаты из показаний обвиняемых всегда используются для доказательства конкретных пунктов обвинения и не могут быть пространными (с контекстом), для этого есть другие документы, а не обвинительное заключение. А, главное, ранее Е.Г.Панкратова сама писала о том, что на последнем допросе показания И.Г. Боровки «состоят из практически не связанных между собой предложений» [Панкратова, 2019, с. 161], и поэтому не совсем понятно о каком контексте в не связанных между собой предложениях может идти речь²².

Гораздо важнее другое. В отличие от «Постановления к привлечению в качестве обвиняемого», в котором фигурировали статьи 58-4, 58-6 и 58-11 УК РСФСР, в обвинительном заключении осталась только статья 58-6. Это может свидетельствовать о чём угодно, но вряд ли о предвзятости следствия. Если бы дело в отношении Г.И.Боровки откровенно фальсифицировали, то исключать статьи из обвинительного заключения точно не стали бы.

Приговор был вынесен коллегией ОГПУ 7 октября 1931 г. и предусматривал 10 лет заключения²³ в Ухт-Печерском лагере в г. Усть-Ухта [Панкратова, 2019, с. 163]. В статьях Е.Г. Панкратовой есть несколько риторических вопросов, касающихся разного рода задержек: в вынесении приговора, объявлении приговора осуждённому и т.п. Но следует учитывать, что деятельность коллегии по внесудебному рассмотрению дел²⁴

²¹ Не совсем понятно, идёт ли речь о первой (описательной) части обвинительного заключения, где должны быть изложены обстоятельства дела и доказательства, на которых основано заключение следователя о необходимости предания обвиняемого суду, или второй (резолютивной), включающей описание способа и мотивов преступления.

²² Причем, объяснение этому может быть очень простым. В отличие от предыдущих допросов, на которых следователи пытались восстановить общую картину преступления, на последнем уточнялись конкретные детали: вопросы следовали по отдельным деталям, вразброс и ответы записывались по существу, без пространных пояснений.

²³ О такой мере наказания — применении «в качестве меры социальной защиты к гражданину Боровка — заключение в концлагерь сроком на 10 лет» ходатайствовал перед коллегией ОГПУ Полномочный представитель ОГПУ в Ленинградском военном округе [Панкратова, 2019, с. 162].

²⁴ Право рассматривать во внесудебном порядке с применением расстрела дела в отношении «белогвардейцев, контрреволюционеров, шпионов и бандитов» было предоставлено ОГПУ Президиумом ЦИК СССР 15 июня 1927 г. ОГПУ также наделялось правом предоставлять своим представителям на местах полномочия по вынесению внесудебных приговоров в отношении подобных лиц [Тязин, 1996, с. 16].

определялась главным образом специальными постановлениями Президиума ЦИК СССР, не подлежавшими опубликованию, и ведомственными инструкциями, а не нормами УПК РСФСР [Тязин, 1996, с. 16]. Поэтому составить реальное представление о возможных нарушениях процедуры во время следствия нам сложно.

Если же говорить о формальном соблюдении процессуальных норм в ходе предварительного следствия, руководствуясь положениями УПК РСФСР, то нарушения были. Так, первый допрос задержанного должен был проведён в течение 24 часов с момента задержания (статья 134 УПК РСФСР), а Г.И. Боровка был допрошен на третьи сутки; предъявление обвинения должно было последовать не позже 48 часов с момента составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого (статья 128 УПК РСФСР), а Г.И. Боровку ознакомили с ним спустя неделю; сильно затянуты сроки содержания под стражей (статья 159 УПК РСФСР) и ведения предварительного следствия (статья 116 УПК РСФСР), при отсутствии в деле решений прокурора о продлении процессуальных действий (по крайней мере, Е.Г. Панкратова ничего о подобных документах не сообщает) и т.п. Однако, ещё раз отметим, что в данном случае деятельность следственных органов не регламентировалась требованиями Уголовно-процессуального кодекса. Подчеркнём в очередной раз и ещё один немаловажный момент – в материалах дела и других документах, которые использует Е.Г. Панкратова, нет никаких упоминаний, а уже тем более доказательств возможного нарушения статьи 136 УПК РСФСР, то есть применения к Г.И. Боровке насилия, угроз и других подобных мер.

Теперь, разобрав в деталях обстоятельства ареста Г.И. Боровки, предварительно следствия по уголовному делу против него и приговор, повторим ещё раз эту череду событий, попытавшись исключить эмоции и руководствуясь только известными из статей Е.Г. Панкратовой фактами и здравым смыслом. Тогда они представляются следующим образом.

В ходе следственных мероприятий по делу о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за освобождение свободной России» была получена информация о принадлежности учёного-археолога Г.И. Боровки, замеченного в обширных связях с гражданами Германии и неоднократно бывавшего там в служебных командировках, к контрреволюционной организации и причастности его к шпионажу в пользу германской разведки. На основании этой информации Г.И. Боровка был арестован и в ходе последующих допросов дал исчерпывающие показания, подтверждающие его контакты не только с представителями научных кругов, но и дипломатических служб Германии. Тогда же вскрылись факты несанкционированного фотографирования им ряда объектов на побережье Керченского пролива (на Таманском и Керченском полуострове), часть из которых относилась к категории «специально охраняемой государственной тайны». Эти факты Г.И. Боровка также признал, подтвердив, что понимал – речь идёт о нарушении закона.

Одним из ключевых в уголовном праве считается понятие «состав преступления», то есть совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и

субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние, как преступление. Эти признаки группируются по элементам состава, которых четыре: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления. Видимо, не лишним будет рассмотреть, как выглядели в глазах сотрудников ОГПУ элементы и признаки состава относительно деяний, совершенных Г.И. Боровкой.

Что касается объекта преступления – это общественные отношения, которые нарушаются преступным посягательством. По сути, речь идёт об интересах и благах общества, охраняемых уголовным законом. Вне всякого сомнения, действия, которые вменяли в вину Г.И. Боровке, а именно, сбор с целью передаче третьей стороне сведений, содержащих государственную тайну, нарушали интересы общества в целом и были прямо указаны в законе. В данном случае налицо было посягательство на общественную (государственную) безопасность.

Объективная сторона – это внешнее проявление преступного деяния: действие или бездействие, причинённые последствия, причинно-следственная связь между ними, место, время, способ и орудия совершения преступления. И с этой точки зрения, позиция следственных органов была безупречной: место, время, способ и орудия совершения преступления были установлены, само действие доказано. Разве что не было причинённых последствий, поскольку арестован Г.И. Боровка был до гипотетического (по мнению следователей) момента передачи сведений, составляющих особо охраняемую тайну. Но возможности для передачи сведений у него были, кому именно эти сведения могли быть переданы, сомнений не вызывало, также, как и возможные последствия передачи этих сведений.

Все было предельно понятно и с субъектом – Г.И. Боровка достиг возраста уголовной ответственности, был вменяем, занимал определённое должностное положение, которое помогало в совершении инкриминируемых ему деяний.

Несколько сложнее было с субъективной стороной, включающей в себя признаки, характеризующие внутреннюю психическую сторону деяния: форму вины (умысел или неосторожность), мотив и цель совершения преступления. Хотя, учитывая, что Г.И. Боровка признал свою вину, следователи, проводившие предварительное расследование, вряд ли могли склониться к преступлению по неосторожности, тем более, что установленные связи Г.И. Боровкой с представителями другого государства, не оставляли сомнений в мотиве и цели совершения преступлений. В этих условиях объяснение учёного, что сбор информации им проводился в личных научных целях, выглядело по меньшей мере неубедительно.

Отметим и ещё один момент. Признаки составов преступлений делятся на обязательные и факультативные. Обязательные признаки входят в состав всех без исключения преступлений, без этих признаков не может существовать ни одно преступление. Это объект, общественно опасное деяние, вина, вменяемость лица и достижение им возраста уголовной ответственности. Как видим, в данном случае все обязательные признаки состава преступления были налицо.

Поскольку преступление было доказано (как признаниями самого обвиняемого,

так и показаниями свидетелей, и вещественными доказательствами), обвинительное заключение было передано на рассмотрение Коллегией ОГПУ (как это и было предусмотрено действующими нормативно-правовыми актами). Вынесенный приговор соответствовал наказанию, предусмотренному статьёй обвинения²⁵.

В этой связи многочисленные обороты «жертва политических репрессий», «безвинно осуждённый», «жертва политического террора» и т.п., переходящие из статьи в статью и активно используемые Е.Г. Панкратовой в отношении Г.И. Боровки, представляются, если не странными, то, как минимум, не совсем корректными.

Интересные сведения сообщает Е.Г. Панкратова и по поводу отбытия Г.И. Боровкой срока заключения в Ухт-Печерском лагере. Как она пишет: «... он продолжал заниматься любой доступной ему научной деятельностью: читал лекции на геологических курсах, собрал в районе р. Ухты большую археологическую коллекцию, занимался палеонтологией» [Панкратова, 2019, с. 163; 2021, с. 1359]. Если принимать во внимание «Положение об исправительно-трудовых лагерях», утверждённое Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г., то лица, осуждённые за контрреволюционные преступления, относились к третьей категории²⁶. Такие осуждённые не могли занимать административно-хозяйственных должностей, а в остальном, режим их содержания ничем особым не отличался: не менее двух лет они находились на первоначальном режиме (для осуждённых первой категории этот срок составлял не менее полугода, второй – не менее года), а затем могли переводиться на облегченный или даже льготный режим. Последний предусматривал право выхода за пределы лагеря²⁷ [Положение об исправительно-трудовых лагерях, 1930]. Судя по сведениям, которые сообщает Е.Г. Панкратова, с какого-то момента в отношении Г.И. Боровки применялся льготный режим. То есть ни о каком особо жестоком или даже строгом режиме речь не идёт.

Тем не менее, судьба Г.И. Боровки закончилась трагично. После полного отбывания срока он был освобождён из лагеря, но оставался в Коми АССР. 6 ноября 1941 г. вторично арестован, 4 апреля 1942 г. по статье 58-10 УК РСФСР приговорён к высшей мере наказания и 29 июня приговор приведён в исполнение [Панкратова, 2019, с. 163]. В одной из работ Е.Г. Панкратова сообщает некоторые подробности: арестован Г.И. Боровка был «скорее всего по доносу одного из коллег по обвинению о враждебных настроениях к советской власти, высказыванию пораженческих настроений в отношении Советского Союза и «клеветнических измышлениях на условия

²⁵ Статья 58-6 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок не менее трёх лет, с конфискацией всего или части имущества, в отдельных случаях – высшую меру социальной защиты – расстрел, или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства, изгнанием из пределов СССР и конфискацией имущества [Уголовный кодекс ..., 1950, с. 39-40].

²⁶ См. Раздел III, часть Б, п. 15 указанного «Положения...» [Положение об исправительно-трудовых лагерях, 1930].

²⁷ См. Раздел III, часть Б, п. 16 указанного «Положения...» [Положение об исправительно-трудовых лагерях, 1930].

жизни трудящихся» [Панкратова, 2021, с. 1359]. По делу было арестовано несколько человек и все они приговорены к высшей мере наказания, но по результатам рассмотрения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР, всем, кроме Г.И. Боровки, высшая мера наказания была заменена лишением свободы. В отношении Г.И. Боровки судебная коллегия посчитала, что *«осуждённый Боровко признал себя виновным и пояснил суду, что все осуждённые вместе с ним по данному делу как во время работы, так и на квартире у него систематически высказывали пораженческие настроения в отношении СССР и клеветали на советскую власть», «преступление совершенное осуждённым является доказанным, квалифицировано правильно и мера наказания по отношению к Боровке соответствует содеянному»* [Панкратова, 2021, с. 1359-1360]. Е.Г. Панкратова считает возможной причиной доказанности вины его немецкое происхождение и проживание семьи в Германии, но вполне можно допустить и другое. Г.И. Боровка мог быть инициатором подобных разговоров или наиболее активно их поддерживал (хотя признаем, что никаких подобных свидетельств в статьях Е.Г. Панкратовой нет).

Если вновь обратиться к УК РСФСР, статья 58-10 которого предусматривала наказание за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, то обращает на себя внимание при перечислении мер наказания отсылка для преступлений, совершенных в *«военной обстановке»*, к статье 58-2 [Уголовный кодекс..., 1950, с. 42]. Последняя предусматривала, в первую очередь, *«высшую меру социальной защиты – расстрел»* [Уголовный кодекс ..., 1950, с. 37]. Несомненно, судебной коллегией учитывалось и то, что бывший учёный второй раз обвинялся по *«тяжёлой»*, контрреволюционной статье, отношение к осуждению по которой было уже совсем другим, чем в начале 1930-х гг., а условия военного времени вообще исключали любую снисходительность к убеждённым врагам советской власти. Даже формально, при определении общественной опасности преступления, что являлось основным вопросом, требующим разрешения в каждом отдельном случае, совершение преступления группой лиц, а также совершения его лицом, ранее совершавшим преступление, являлось отягчающим обстоятельством²⁸. С учётом всех этих обстоятельств, приговор в отношении Г.И. Боровки выглядит неизбежным и в тех условиях обоснованным.

Реабилитирован Г.И. Боровка был 11 сентября 1989 г. К сожалению, никаких дополнительных сведений о реабилитации (кроме даты) Е.Г. Панкратова не приводит. Хотя даже сама формулировка в заключении надзорных органов или справке, включающая основания для реабилитации, представляет значительный интерес для понимания реальной вины или её отсутствия осуждённого (репрессированного) лица.

Если же вернуться к вопросу, которым мы задавались в начале статьи: является ли Г.И. Боровка *«безвинно осуждённой жертвой политических репрессий»*, то ответ на

²⁸ Это оговаривалось статьёй 47 (пункты «в» и «в1») УК РСФСР [Уголовный кодекс ..., 1950, с. 29].

него, без сомнения, не столь однозначен, как можно понять из работ Е.Г.Панкратовой. Читая их поверхностно, складывается впечатление о человеке-мученике, пострадавшем от безжалостной репрессивной машины советского государства. Случайно или намеренно автор уводит нас в сторону эмоций, формируя убедительное мнение о преступности системы, которая, пытаясь доказать чудовищную несправедливость ложных обвинений, просто переступала через судьбы конкретных людей. Но внимательно вчитываясь в строки документов, анализируя их, невольно пытаешься понять, а были ли все эти обвинения ложными? Как ни парадоксально, но из представленных Е.Г. Панкратовой документов ответ следует, скорее, отрицательный. Не ставя под сомнение тот факт, что Г.И. Боровка действительно пострадал, трудно утверждать, что он стал безвинной жертвой. И основания, послужившие причиной для его ареста и осуждения, были. А у сотрудников правоохранительных органов, с учётом имеющихся доказательств, свидетельских показаний и признаний самого обвиняемого, не могло оставаться никаких сомнений в виновности Г.И.Боровки. Фактически он стал жертвой не политических репрессий, а стечения обстоятельств и собственной неосмотрительности, неосторожности и пренебрежения требованиями законов. Как представляется, можно спорить о том, насколько справедливым был приговор, а не о том, был ли виновен Г.И. Боровка в нарушении норм действующего законодательства.

В любом случае, предлагаемый взгляд на историю и судьбу Г.И. Боровки, – не иллюстрация нашей твёрдой уверенности в его виновности, а лишь констатация факта, что проблема, символом которой он стал в статьях Е.Г. Панкратовой (так и не сумевшей удержаться в рамках беспристрастного исследования), не так проста и однозначна. Есть взгляд и с другой стороны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Ч. 3. СПб., 2015. 1642 с.
- Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной (Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 г.) [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/92106-ob-utverzhdenii-perechnya-svedeniy-yavlyayuschihsya-posvoemu-soderzhaniyu-spetsialno-ohranyaemoy-gosudarstvennoy-taynoy>-(дата обращения 18.07.2025 г.)
- Панкратова Е.Г. К истории развития античной археологии в 1930-х г. в СССР (по материалам архивно-следственного дела Г.И. Боровки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология, 2021. С. 1353-1364 [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-razvitiya-antichnoy-arheologii-1930-h-godah-v-sssr-po-materialam-arhivno-sledstvennogo-dela-g-i-borovki> (дата обращения 10.01.2025 г.)
- Панкратова (Застроженна) Е.Г. «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...»: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология, 2019. № 2. С. 154-166.

- Пограничный словарь. М., 2002 [Электронный ресурс] // Словари онлайн. URL: <https://rus-border-dict.slovaronline.com/> (дата обращения 20.07.2025 г.)
- Положение об исправительно-трудовых лагерях, 1930 [Электронный ресурс] // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/35109029/> (дата обращения 22.07.2025 г.)
- Тязин Е.Н. Антиконтитуционная и противоправная деятельность Особого совещания при НКВД-МГБ-МВД СССР и других несудебных органов // Вестник Мордовского университета, 1996. № 2. С. 15-19.
- Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926. М., 1950. 256 с.
- Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13986> (дата обращения 05.07.2025 г.)

REFERENCES

- Akademicheskoe delo 1929-1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 9. Ch. 3. SPb., 2015. 1642 s.
- Ob utverzhdenii perechnya svedenij, yavlyayushchihsya po svoemu sodержaniyu special'no ohranyaemoj gosudarstvennoj tajnoj (Postanovlenie SNK SSSR ot 27 aprelya 1926 g.) [Elektronnyj resurs] // Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. URL: [https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/92106-ob-utverzhdenii-perechnya-svedeniy-yavlyayushchihsya-po-svoemu-soderzhaniyu-spetsialno-ohranyaemoj-gosudarstvennoj-tajnoj-\(data obrashcheniya 18.07.2025 g.\)](https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/92106-ob-utverzhdenii-perechnya-svedeniy-yavlyayushchihsya-po-svoemu-soderzhaniyu-spetsialno-ohranyaemoj-gosudarstvennoj-tajnoj-(data obrashcheniya 18.07.2025 g.))
- Pankratova E.G. K istorii razvitiya antichnoj arheologii v 1930-h g. v SSSR (po materialam arhivno-sledstvennogo dela G.I. Borovki) // Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya, 2021. S. 1353-1364 [Elektronnyj resurs] // cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-razvitiya-antichnoj-arheologii-1930-h-godah-v-sssr-po-materialam-arhivno-sledstvennogo-dela-g-i-borovki> (data obrashcheniya 10.01.2025 g.)
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G. «Ya ne veryu, chto vse okonchitsya ploho, eto bylo by slishkom nespravedливо...»: k biografii arheologa G.I. Borovki (po materialam sledstvennogo dela) // Rossijskaya arheologiya, 2019. № 2. S. 154-166.
- Pogranichnyj slovar'. M., 2002 [Elektronnyj resurs] // Slovare onlajn. URL: <https://rus-border-dict.slovaronline.com/> (data obrashcheniya 20.07.2025 g.)
- Polozhenie ob ispravitel'no-trudovyh lageryah, 1930 [Elektronnyj resurs] // Diletant. URL: <https://diletant.media/articles/35109029/> (data obrashcheniya 22.07.2025 g.)
- Tyazin E.N. Antikonstitucionnaya i protivopravnaya deyatel'nost' Osobogo soveshchaniya pri NKVD-MGB-MVD SSSR i drugih nesudebnyh organov // Vestnik Mordovskogo universiteta, 1996. № 2. S. 15-19.
- Ugolovnyj kodeks RSFSR redakcii 1926. M., 1950. 256 s.
- Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR 1923 g. [Elektronnyj resurs] // Muzej istorii rossijskikh reform im. P.A. Stolypina. URL: <http://museumreforms.ru/node/13986> (data obrashcheniya 05.07.2025 g.)

Резюме

Статья посвящена сложной проблеме сохранения объективности при использовании и оценке источников, относящихся к периоду политических репрессий, затронувших в 1930-е гг. представителей научного сообщества. На примере судьбы ученого археолога Г.И. Бо-

ровки, которой посвящены несколько работ питерского историка Е.Г. Панкратовой, авторы статьи показывают, что даже казалось бы очевидные факты, выявленные в архивно-следственном деле и раскрывающие различные эпизоды, связанные с арестом, ведением следствия и осуждением Г.И. Боровки, могут быть истолкованы по-разному. На основе анализа приводимых в статьях Е.Г. Панкратовой документов и действующих в тот период нормативно-правовых актов, авторы демонстрируют, в чем заключалась логика сотрудников следственных органов и почему использование определения «безвинная жертва политических репрессий» в отношении Г.И. Боровки не является бесспорным.

Ключевые слова: Григорий Иосифович Боровка (1894-1942), репрессии, археологические экспедиции, наука, идеологический контроль, объективность письменных источников, беспристрастность исследователя, нормы закона.

Summary

The article deals with the complex issue of maintaining objectivity when using and evaluating sources from the period of political repression that affected members of the scientific community in the 1930s. Using the example of the fate of the archaeologist G.I. Borovko, which is the subject of several works by the St. Petersburg historian E.G. Pankratova, the authors of the article show that even seemingly obvious facts revealed in the archival investigation file and revealing various episodes related to the arrest, investigation, and conviction of G.I. Borovko can be interpreted in different ways. Based on the analysis of the documents cited in E.G. Pankratova's articles and the legal acts in force at that time, the authors demonstrate the logic of the investigators and why the use of the term «innocent victim of political repression» in relation to G.I. Borovko is not uncontroversial.

Key words: Grigory J. Borovka (1894-1942), repression, archaeological expeditions, science, ideological control, the objectivity of written sources, researcher's impartiality, the norms of the law.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонов Владимир Владимирович,
Крымская региональная общественная
организация «Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь,
ул. Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129),
председатель правления,
qvest59@rambler.ru
+79788346908

Simonov Vladimir Vladimirovich
Crimean regional public organization
«East Crimean center for military
historical researches»,
Vokzal'noe shosse st., 35, Kerch,
Republican Crimea,
qvest59@rambler.ru
+79788346908

Котина Алла Викторовна,
кандидат исторических наук,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Керченский государственный
морской технологический университет»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь,
ул. Орджоникидзе, д. 82),
преподаватель,
allakotina@mail.ru
+79787775201
Специальность: 07.00.03 –
всеобщая история (история Древнего мира).

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Kerch State MarineTechnological University»,
Ordzhonikidze st., 82, Kerch, Republican Crimea,
teacher,
allakotina@mail.ru
+79787775201